

ЭКСТРЕМИЗМ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ¹

Салахутдинова Резида Халяфудиновна, кандидат социологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
414056, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
E-mail: rezed_a_soc@mail.ru

В статье проанализированы отношение молодежи к представителям народов Северо-Кавказского региона и Средней Азии, проживающих в г. Санкт-Петербург и Ленинградской области, и факторы их формирования. Проанализированы соотношения понятий конфликт и экстримизм, межэтнические конфликты в контексте теории этносов. Предприняты попытки выявить объективные и субъективные причины формирования поведения молодежи экстримистского толка.

Ключевые слова: экстремизм и национализм в молодежной среде, этноконфликт

EXTREMISM: TO THE QUESTION ABOUT THE FORMATION OF ETHNIC CONFLICTS IN RUSSIA

Salahutdinova Rezida H., Ph.D. (Sociology), Assistant Professor

Saint Petersburg State University
1/3 Smolny st., St.-Petersburg, 414056, Russia
E-mail: rezed_a_soc@mail.ru

The article analyzes the attitude of young people to the representatives of the peoples of the North Caucasus region and Central Asia, living in St. Petersburg and the Leningrad region and factors of their formation. Analyzed the relationship between the concepts and ekstrimizm conflict, ethnic conflict in the context of the theory of ethnic groups. Attempts to identify the objective and subjective reasons for the formation of youth behaviors ekstrimistskogo sense.

Keywords: extremism and nationalism in the youth environment, ethnic conflict

Межнациональные, межэтнические отношения на территории современной России носят сложный, многоаспектный характер. Наряду с мирным сосуществованием различных этносов и наций, на протяжении последних десятилетий наблюдается распространение в России экстремизма ксенофобского толка, «основанный на этнорасовой нетерпимости, на идеях группового неравенства и отторжении культурных различий» [1], порождающий массовые конфликты между так называемым местным населением, постоянно проживающими на данной территории, и пришлыми, как правило, трудовыми мигрантами. Анализ подобных столкновений, освещенных в материалах СМИ, проведенных А.Л. Салагаевым, позволяет выделить общие черты, присущие большинству конфликтов. Во всех описанных случаях столкновения провоцируются выходцами с Кавказа, сопровождаются физической расправой над местными жителями. По мнению исследователя, обращает на себя внимание тот факт, что конфликты инициируются молодым поколением, выросшим и сформировавшимся в постсоветском пространстве в социокультурных условиях своей этнической, национальной территории. По описанию А.Л. Салагаева, существует «жесткое деление приезжих на тех, кто прибыл в город в 1990-х и тех, кто приехал после 2000 года. Ранее приехавшие выходцы с Кавказа подстраиваются под местный образ жизни, не нарушают законов, порой обзаводятся русскими семьями, друзьями и в конечном итоге “руссеют”, в то время как недавно приехавшие часто ведут себя вызывающе. Поведение недавно прибывших отличается пренебрежением к законам и принятым

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проекта № 12-03-00361 «Механизм рекрутирования молодежи в экстремизм».

правилам общественного поведения, попытками унижения достоинства местных жителей, угрозами их здоровью и личному имуществу, попытками навязать свои обычаи» [2]. Участниками подобных столкновений становятся не только трудовые мигранты, студенты, а также простые граждане в ситуации бытовых конфликтов.

Говоря о соотношении экстремизма и конфликта, отмечают, что экстремизм и конфликт – достаточно близко стоящие термины, они находятся рядом и являются провокацией друг друга. Экстремизм опасен тем, что он конфликтен, прибегает, претворяя свои замыслы, к методам насильственного идеологического воздействия и силовым действиям, а также тем, что он живуч, распространяется и развивается [3]. Экстремизм рассматривается как неотъемлемая составляющая множества конфликтов в любых их разновидностях. В таком контексте экстремизм выступает источником конфликта, провоцирует конфликт. Анализ многообразия определений и подходов в раскрытии сущности экстремизма, имеющихся в научной литературе, свидетельствует о том, что данное понятие рассматривается в разноуровневых по форме проявления плоскостях.

Экстремизм не возникает и не имеет своего развития на беспредметном поле. Он проявляется как следствие, реакция, несогласие (протестное поведение), результат неотрегулированности социального взаимодействия, отношений по определенному предмету связи, обусловленный конкретными причинами и факторами. Как конфликт, различие интересов, целей, установок могут быть порождением субъективного, личностного характера. При осмыслении его объективности следует рассматривать как явление, порожденное неотрегулированностью социальных связей, при этом, понимая и принимая в качестве регулятивных механизмов «систему ценностей, деньги, власть (закон)» (по Т. Парсонсу), которые представляют возможность регулирования любых социальных связей (независимо от их сложности и опосредованности), на основе социокультурных, экономических и политических критериев [4]. Таким образом, экстремизм в таком его понимании уже сам по себе является конфликтом, наличие экстремистских проявлений говорит о существовании конфликта. Однако важно понимать, что не всякий конфликт может характеризоваться как экстремизм.

Как практика, так и состояние теоретических разработок обуславливают и исследовательские задачи: каковы объективные причины подобных конфликтов и имеются ли таковые вообще? В чем проявляется субъективный характер межэтнических столкновений? Что является предметом этих конфликтов?

Анализ содержания конфликтов, поведения его участников и формы их проявления позволяют утверждать, что ответы на поставленные вопросы следует искать не сколько в самом понятии «конфликт», сколько в понятии «этническая группа», ее социокультурном содержании. Принято считать, что одним из первых определение понятия «этнические группы» ввел М. Вебер в работе «Хозяйство и общество» (1921). М. Вебер определил этническую группу как «группу людей (отличающуюся от родственных групп), которые сохраняют веру в свое общее происхождение таким образом, что это обеспечивает основу для создания общности». В этом определении он выделил в качестве фундаментальной характеристики этнической группы систему верований, разделяемых ее членами, а не какие-либо иные, так называемые «объективные» черты группового членства – общий язык, религию, территорию, биологические особенности и т.п., с которыми часто ассоциируется повседневное понимание этничности [5].

Как отмечает В.В. Коротеева, «одна из центральных идей Вебера – его учение о ценностях, в том числе понятие этнической гордости и чести. Этническое чувство чести – явление массовое, доступное любому из тех, кто принадлежит к субъективно понимаемой общности по происхождению» [6]. Большую роль в жизни этноса играют, по Веберу, культура, нравы, обычаи, повседневный образ жизни, но, прежде всего, – исторически возникшие связи. «Общие политические судьбы, – пишет Вебер в работе "Хозяйство и общество", – то есть, в первую очередь, бои не на жизнь, а на

смерть, сплетаются в общности воспоминаний, которые зачастую воздействуют сильнее, чем узы культуры, языка и общности происхождения», т.е. то, что сегодня принято называть исторической памятью.

Несмотря на то, что мировом научном сообществе нет общепринятой дефиниции феномена этничности¹, В. Тишков выделяет характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническим или говорить о присутствии этничности как таковой:

- разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры;
- политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие «народ»;
- чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

По определению В. Тишкова, «этничность – это форма социальной организации культурных различий... Этническая общность (народ) есть общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях» [7].

Культурную составляющую этноса выделяет и С. Лурье: «Этнос – это социальная общность, которой присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание определенного уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социокультурных изменений». С. Лурье, вслед за отечественными и зарубежными антропологами, которые рассматривают культуру как адаптивную систему, обращает внимание на адаптивную функцию культуры. При таком подходе, по логике С. Лурье, совокупность адаптивных моделей может быть понята как культура. В таком случае этнос предстает носителем данных моделей, т.е. данной культуры. Следовательно, этнос можно понимать как общество, являющееся носителем определенной культуры. (Культура в данном случае понимается в узком, или точнее специфическом, этнологическом, значении.) [8]

Санктпетербургский социолог Н.Г. Скворцов выделяет три основные парадигмы проявления этничности [9]:

1. *Атрибутивная (этничность как качество группы)*. Этничность рассматривается как проявление культурных качеств, которые выступают основой для формирования общности (язык, этноним, историческая память, особенности материальной культуры, ритуалы, модели поведения, религия и др.).

2. *Субъективно-символическая (этничность как этническая идентичность)*. Форма проявления этничности фиксирует ее как переживание индивидом своей принадлежности к определенной (референтной) группе. Такая идентичность формируется на основе осознания общности происхождения, традиций, ценностей, межпоколенной преемственности культуры и пр.

3. *Интеракционная (этничность как форма межгруппового взаимодействия)*.

В настоящее время в исследовании теоретической модели этноса (этничности) сложились три подхода: эссенциалистический (примордиалистский), конструктивистский, инструменталистский. Применительно к этнической проблематике примордиалистский подход первым начал разрабатывать американский антрополог К. Гирц.

¹ Этничность – широко используемая в науке категория, обозначающая существование культурно-отличительных (этнических) групп и форм идентичности. В российском общественном сознании в большей степени употребляется категория «этнос», когда говорят об этнических общностях (народах).

Сторонники данного подхода рассматривают этничность в качестве изначальной характеристики, присущей индивиду как члену реально существующей этнической группы. Основу ее составляет кровное родство, общее происхождение и исконная территория. Что касается отечественной социологии и этнологии, в советской науке более распространенным являлся эволюционно-историческое направление примордиализма, которое до начала 1990-х гг. было единственным направлением в изучении этничности. Традиционно считалось, что этническое деление есть разновидность социального. Этничность в этом понимании рассматривалась как результат общей культуры и истории, а этнос – как исторически сложившаяся человеческая общность с совокупностью признаков – территории, языка, культуры, самосознание, самоназвание и т.п. Ю.В. Бромлей характеризовал этнос как «исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этниме). Хотя неперенным условием возникновения этноса в узком значении слова является территориальная общность составляющих его людей, однако она не является обязательной для последующего его существования» [10].

Инструментализм как направление в трактовке этничности, получил широкое развитие в середине 1970-х гг. в западной этнологии. По мнению представителей этого подхода, этнические признаки (язык, традиционная культура, этническое самосознание), которые выступают у примордиалистов идентификаторами этноса как структуры, не имеют исключительно этнической принадлежности, носят общесоциальный характер и зависят от политической и социально-экономической ситуаций, в которых оказывается человек. Этничность, согласно конструктивистам, – процесс конструирования вымышленных сообществ, который опирается на фундамент веры в то, что они связаны естественными связями, единым типом культуры, идеей об общем происхождении и общем историческом прошлом [11].

Таким образом, эволюция взглядов на понятие «этнос» («этничность», «этнические группы») позволяют выделить единые группообразующие признаки, обнаруживаемые в большинстве описанных выше концепций и подходов: тип культуры, общность территории, язык, идентичность, психологические особенности, традиция. Именно эти признаки, которые могут стать инструментарием при характеристике современных этносов, можно рассматривать как объективные, исторически сложившиеся, свойственные природе этнических групп, дифференцирующие основания. Теоретически не представляется возможным выделить наиболее значимый признак. Как показывает практика, значимость их для любого этнического образования определяется конкретной ситуацией, эпохой, положением этнической группы в системе отношений с другими общностями. С исследовательской точки зрения здесь следует вести речь о степени совпадения содержания признаков в межэтническом взаимодействии и механизмов их регулирования.

Для анализа состояния межэтнических отношений, складывающихся в постсоветском российском пространстве, содержания разнообразия конфликтов с участием представителей этнических групп представляет методологический интерес и концепция известного петербургского социолога З.В. Сикевич. Ученый рассматривает этничность в качестве дихотомического отношения «мы – они». Этничность – это «групповая характеристика, которая обнаруживается в сравнении "нас" с "не-нами". При этом важной составляющей выступают культурные различия, которые воспринимаются как значимые, важные и социально релевантные. З.В. Сикевич отмечает, что "этничность не существует вне сравнения и вне коммуникации", в ходе взаимодействия одной этнической группы с другой проявляется "этническая индивидуальность". В ходе дихотомии ("нас" и "не-нами") происходит основное проявление этничности» [12].

На противопоставление «свои – чужие» в межэтнических отношениях обращают внимание как на проявление интолерантности по отношению к группам, которые воспринимаются массовым сознанием как «чужие» (ксенофобия – страхи, настороженность и недоброжелательство, т.е. фобии, к чужим). Частным случаем ксенофобии, отмечает Э. Паин, является этнофобия (или этнофобии) – страхи, направленные как против конкретных этнических общностей, так и против некоего слабо дифференцированного в массовом сознании конгломерата «чужих» народов («кавказцев», «южан», «кинородцев»). Ксенофобия выступает важнейшим источником экстремизма в нескольких отношениях: во-первых, из носителей ксенофобии формируются экстремистские организации; во-вторых, стереотипы ксенофобии чаще всего служат сырьем для экстремистских идей. Особенно важно учитывать, что ксенофобия является одним из «конечных продуктов», результатов экстремизма, поскольку она и есть выражение той самой розни, на разжигание которой направлена деятельность экстремистских сил [13]. Наиболее благодатной социальной базой подверженной к воздействию идеологии ксенофобии (этнофобии) является молодежь.

Анализ концепций этносов дают основание предположить, что одной из основных причин возникновения этнических конфликтов с участием молодежи являются различия культур, проявляющиеся в несоответствии поведения приезжающих в Петербург и область этнических групп с территории Кавказа, принятым в данном городе нормам и правилам поведения. По данным опроса, проведенного среди молодежи г. Санкт-Петербург и Ленинградской области¹, основной причиной неприязни молодежи к представителям народов Северо-Кавказского региона в г. Санкт-Петербург являются: высокая степень криминализации некоторых этнических групп – 20,3 %; низкий культурный уровень некоторых отдельных граждан, пренебрежительное отношение к культурным традициям других наций – 13,2 %. При этом 8,4 % респондентов видят причину неприязни в целенаправленном разжигании национальной розни политиками и экстремистскими организациями; 6,8 % – в ощущении людьми собственной неполноценности и формировании СМИ искаженного образа представителей других наций. Наиболее красноречивы и эмоциональны высказывания на открытый вопрос: 1) представители народов Северного Кавказа своим агрессивным и антисоциальным поведением сами являются разжигателями розни и неприязни; 2) многие представители народов Северного Кавказа сами пренебрежительно относятся к нашим культурным традициям, неуважительно себя ведут по отношению к нам и особенно к нашим женщинам, они выводят из себя людей, которые пытаются быть терпимыми; 3) они «ведут себя как свиньи»; 4) они скоро заполонят весь наш город, что отрицательно отражается на облике культурной столицы (культуры у кавказцев не так много, согласно нашим представлениям); 5) они ведут себя в чужом городе как у себя дома; 6) народы Северного Кавказа не уважают русские традиции и нормы, принятые в обществе; 7) неподобающее отношения к русским девушкам; 8) они ленивы, часто глупы, не хотят работать, для заработка используют клановые связи и незаконные методы (торговля наркотиками); ввиду того, что они незаконно и сравнительно легко зарабатывают деньги, они ни в грош не ставят коренное население.

Для 67 % ответивших есть национальности, с представителями которых они предпочли бы не иметь дела: с дагестанцами (66 чел.), чеченцами (63), узбеками (51), азербайджанцами (48), грузинами (30), армянами (23), киргизами (14), евреями (13), татарами (12), в том числе гастарбайтеры, «все неруси». Для 19 % ответивших таких национальностей нет; 13 % затруднились ответить.

Что касается отношения к другому человеку иной национальной принадлежности, для 52 % ответивших все зависит от конкретного человека и 20 % зависит от ситуации. Лишь для 14 % респондентов в межличностных отношениях значим национальный признак; для 11,5 % зависит от того, к какой именно национальности

¹ В 2012 г. было проведено пилотажное исследование молодежи. Опрошено 119 человек.

принадлежит человек. Национальный признак является принципиальным в отношении другого человека лишь для 2,5 % ответивших.

Предполагая, что национальный язык может служить одним из показателей реакции на носителя другого языка, молодежи был задан вопрос о том, *что они обычно испытывают, когда слышат на улице, в общественных местах разговор на каком-то другом языке?* 40 % ответивших свое отношение связывают с национальным признаком носителя языка; 17 % проявляют интерес; 11 % не испытывают никаких чувств. В целом негативное отношение испытывают 22 % респондентов, которое проявляется в чувстве раздражения и неприязни (13 и 9 % соответственно).

Общеизвестно, что на характер восприятия другого народа большое влияние оказывает и сложившийся стереотип. Чаще стереотипы бывают связаны с теми или иными качествами, предписываемыми психологическими особенностями, культурой, моделью поведения народов.

К положительным качествам народов Кавказа участники опроса относят щедрость (49 чел.), (скупость как отрицательное качество отмечают 20 человек); радушие (38); способность к взаимовыручке (29), а в качестве отрицательного – отсутствие взаимовыручки (12 чел.); приверженность к традициям (25), выделяя отрицание традиций как отрицательное качество (15 чел.). Никаких положительных качеств у народов Кавказа не видят 20 человек, при этом 52 человека характеризуют кавказцев агрессивными, дружелюбие как положительное качество указывают лишь 22 респондента. 35 человек как отрицательное качество отмечают нетерпимость, тогда как 11 человек видят в них наличие терпимости. 47 человек считают этот народ ленивыми при лишь 10 отметивших их трудолюбие. Как негативные качества указали на тугоумие (38 чел.) и замкнутость (20 чел.).

Одним из принципиальных факторов, участвующих в формировании отношения, мнения, взглядов на представителей народов различных республик, государств являются знания их истории, культуры, обычаев, нравов и т.л. По самооценкам самих участников опроса, 83 респондента знают культуру этого народа, 80 – их семейные традиции, 78 – образ жизни, 75 – религиозные традиции, 60 – ценности. На незнание истории народов Кавказа указали 61 человек, религиозных обрядов – 56, ценностей – 30. Обращает внимание и количество затруднившихся ответить. Так, информированы о ценностях 29 человек, образе жизни, религиозных обрядах – по 25 соответственно, истории – 24, культуре – 18. Таким образом, следует предположить, что оценка положительных и негативных качеств представителей народов Кавказа, формирование отношения к ним молодежи г. Санкт-Петербург основаны не только повседневной практике, эмоционально восприятию, но и определенных знаниях историко-культурных аспектов народов Северокавказского региона.

По результатам опроса, в большинстве случаев массовой негативной реакции при встрече с представителями других национальностей не наблюдается. Напротив, ответы свидетельствуют о мирной настроенности в отношении людей, представляющих иную этническую группу. Так, *замечаю, но отношусь спокойно* отметили 45,9 %, *мне они не нравятся, но я стараюсь скрыть свои чувства* – 18,4 %, *проявляю интерес* – 10,9 %, *не обращаю на их особенности никакого внимания* – 8,4 %, *отношусь с опасением* – 5,9 %, *воспринимаю негативно и высказываюсь об этом* – 3,4 %. Только 1,7 % проявляют агрессию при встрече с такими людьми, 5,0 % указали другой вариант, что отношение зависит от ситуации и от человека.

По результатам опроса, причинами, влияющими на общение с представителями других национальностей, являются: для 31 % – другой взгляд на жизнь; для 12 %, – безразличие, отсутствие интереса и желания общаться с ними и незнание их языка по (12 % соответственно), не воспринимают психологически 10 %, при этом 17 % затруднились с ответом.

По мнению молодежи, мигранты, приезжающие в г. Санкт-Петербург и Ленинградскую область могут следовать своим традициям, говорить на своем языке, но только в частной, бытовой сфере (60 %); должны следовать всем традициям и нравам

местного населения (30 %); могут сохранять собственный образ жизни и язык (3,3 %), затруднились ответить 6,7 %.

Респондентам был предложен ряд суждений, которые нужно было оценить. По четырем суждениям – 1) присутствию людей некоренной национальности среди представителей власти; 2) присутствию людей некоренной национальности в руководстве коммерческих структур; 3) заключению межрасовых браков; 4) заключению межнациональных браков – в основном отношение молодежи г. Санкт-Петербург нейтральное: 60, 69, 66, 65 человек соответственно. При этом отрицательно относятся 47, 38, 27, 23 человек соответственно каждому суждению. Положительно оценивают по первым двум суждениям по 7 человек, 25 и 30 человек с положительной оценкой по третьему и четвертому суждениям.

Казалось бы, при довольно высоком показателе лояльности к представителям народов Кавказа и Средней Азии есть основание полагать о возможной успешной интеграции этих народов в социокультурное пространство г. Санкт-Петербург и Ленинградской области. Одним из основных механизмов реализации этого процесса призвана и могла бы стать система образования, так как, как отмечают Л.А. Лебединцева и Р.Х. Салахутдинова [14], «Одной из основополагающих функций образования является формирование человеческого ресурса (социализация личности, сохранение и укрепление физического здоровья, интеллектуальное и нравственное развитие в процессе образования). ...образование – единственный социальный институт воспроизводства позитивных системных качеств социума в целом, основа социально-экономического прогресса в современном мире» [14]. Именно в стенах образовательных учреждений в процессе взаимодействия молодежь могла бы активнее осваивать и принимать необходимые нормы и ценности успешной адаптации к территории проживания. Отсюда вполне логично преобладание отрицательной оценки по остальным трем суждениям. Молодежь против: 1) наличия в городах «национальных кварталов»; 2) национальных школ; 3) открытия национальных мест отдыха, развлечения (рестораны, кафе, дискотеки – 78, 63 и 65 человек соответственно). При положительной оценке соответственно каждому суждению – 12, 23 и 23 человек; нейтральное отношение у 22, 29, и 28 человек соответственно.

В целом, характеризуясь лояльным отношением к мигрантам (ответы по первым четырем суждениям), для молодежи остается принципиальным ряд аспектов, связанных с территориальным сосредоточением мигрантов. Вероятно, это связано с пониманием молодежи, что подобные явления способны привести к формированию этнических групп (сообществ) с доминированием национальных обычаев, традиций, культуры, нередко входящих в противоречие и конфликт с нормами и ценностями г. Санкт-Петербург и области, тем самым замедляя процесс ассимиляции, не говоря уже о сложностях их интеграции в иное социокультурное сообщество. Впоследствии это может стать основой для бытовых межэтнических конфликтов, основанных на межкультурных различиях, не исключая проявлений межэтнического, межрелигиозного экстримизма.

При всей индифферентности к мигрантам 58 % ответивших считают, что приток мигрантов следует ограничить; 22 % – разрешать приезд только в исключительных случаях для отдельных представителей; 7,5 % – не допускать мигрантов в область; положительное отношение – 2,5 %.

Невоюющее, лояльное отношение молодежи г. Санкт-Петербург и Ленинградской области подтверждают и ответы их отношения к представителям иных религиозных групп: нейтрально (равнодушно) 61 %, уважаю их взгляды – 30 %, при неприемлемых – 5 %, считают их заблуждающимися – 1,5 %, затрудняются ответить – 2,5 %. 43,5 % ответивших не испытывают негативного отношения ни к каким религиям; к исламу – 24 %; иудаизму – 2,5 %, при этом 19 % затрудняются ответить, у 9 % был другой ответ.

Однако не может не насторожить довольно высокий процент нейтральной позиции, индифферентного отношения молодежи к представителям народов Кавказа и

Средней Азии, прибывающих в г. Санкт-Петербург и Ленинградскую область. При всей их лояльности именно они представляют латентную группу риска, способную в определенных ситуациях к крайне негативным, деструктивным и деликвентным действиям. Следует предположить, что основной причиной возможного такого поведения может стать нарушение принципа равенства всех перед законом. Не случайно 6,8 % участников опроса указывают на неравное отношение власти к представителям разных национальностей. Примером может служить, массовый выход молодежи на улицы ряда городов с выражением недовольства действиями правоохранительных органов в отношении молодых людей, выходцев из стран ближнего зарубежья, убивших футбольного болельщика Егора Свиридова (январь 2011 г); ежегодно повторяющееся накануне празднования мусульманского праздника Курбан-Байрам в Москве и Петербурге перепрыгивание толпой мусульман через турникеты при молчаливом бездействии полиции. Ровно за такие же нарушения любой иной гражданин подвергается санкции [15]. Не следует игнорировать и тот факт, что в самой природе этносов объективно коренятся факторы в виде интересов этнических групп, межкультурных различий, способные создать и, как показывает жизнь, создают конфликтную обстановку. В совокупности все обозначенные нами факторы, в условиях отсутствия механизмов, социальных технологий снятия межэтнического напряжения, способны негативные настроения и отношение, в том числе и нейтральное, перевести в агрессивное, подталкивая или провоцируя молодежь на поведение экстремистского толка.

Список литературы

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М., 1983. – С. 57–58.
2. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 / под ред. В. Тишкова и Е. Филиппово. – М. : УОП ИЭА РАН, 2005. – С. 19–3.
3. Иванова З. И. Проблемы этноса и нации в социологии и социальной психологии. (краткий обзор гипотез) / З. И. Иванова. – Режим доступа: http://mssolutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=207:2010-02-08-11-54-55&catid=43, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В. В. Коротеева. – М. : Издат. центр РГГУ, 1999. – 140 с.
5. Лебединцева Л. А. Трансформация функций высшего образования: экономико-социологическая проблематизация / Л. А. Лебединцева, Р. Х. Салахутдинова // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2012. – Т. 3, № 10. – С. 41–45. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»).
6. Лурье С. В. Историческая этнология : учеб. пос. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/06.php, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Основы социологии : курс лекций / отв. ред. А. Г. Эфендиев. – 2-е изд., испр. – М., 1994. – Ч. 1. – 190 с.
8. Салагаев А. Л. Кондопога, Харагун, Суровикино, Жуковка, Сальск, Белореченск, кто следующий? Конфликты в малых и средних городах России / А. Л. Салагаев // Конфликты в социальной среде : мат-лы II Всероссийской научной конференции. – Казань, 2008. – С. 393.
9. Сикевич З. В. О соотношении этнического и социального / З. В. Сикевич // Социология и социальная антропология. – 1999. – Т. 2, вып. 2.
10. Скворцов Н. Г. Теоретическое наследие М. Вебера и проблемы этничности в современной социологии / Н. Г. Скворцов. – Режим доступа: <http://www.bestreferat.ru/referat-88377.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Социология молодежи : учебник / под общ. ред. Д. З. Мутагирова. – СПб., 2008. – С. 355.
12. Тишков В. А. Стратегии противодействия экстремизму / В. А. Тишков. – ValeryTishkov.ru.
13. Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публикация / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2001. – С. 229–230.
14. Этничность. Этнос. Нация. Национализм. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/305/27>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. <http://www.gazeta.spb.ru/404532-1/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Bromlej Ju. V. Oчерki teorii jetnosa / Ju. V. Bromlej. – М., 1983. – С. 57–58.
2. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov, 2004 / pod red. V. Tishkova i E. Filippovo. – М. : UOP IJeA RAN, 2005. – С. 19–3.
3. Ivanova Z. I. Problemy jetnosa i natsii v sociologii i social'noj psihologii. (kratkij obzor gipotez) / Z. I. Ivanova. – Rezhim dostupa: http://mssolutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=207:2010-02-08-11-54-55&catid=43, svobodnyj. – Zagl. s jekrana. – Jaz. rus.
4. Koroteeva V. V. Teorii nacionalizma v zarubezhnyh social'nyh naukah / V. V. Koroteeva. – М. : Izdat. centr RGGU, 1999. – 140 s.
5. Lebedinceva L. A. Transformacija funkcij vysshego obrazovanija: jekonomiko-sociologicheskaja problematizacija / L. A. Lebedinceva, R. H. Salahutdinova // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. – 2012. – Т. 3, № 10. – С. 41–45. – (Serija : «Problemy social'no-gumanitarnogo znanija»).
6. Lur'e S. V. Istoricheskaja jetnologija : ucheb. pos. – Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/06.php, svobodnyj. – Zagl. s jekrana. – Jaz. rus.
7. Osnovy sociologii : kurs lekcij / otv. red. A. G. Jefendiev. – 2-e izd., ispr. – М., 1994. – Ch. 1. – 190 s.
8. Salagaev A. L. Kondopoga, Haragun, Surovikino, Zhukovka, Sal'sk, Belorechensk, kto sledujushhij? Konflikty v malyh i srednih gorodah Rossii / A. L. Salagaev // Konflikty v social'noj srede : matly II Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Kazan', 2008. – С. 393.
9. Sikevich Z. V. O sootnoshenii jetnicheskogo i social'nogo / Z. V. Sikevich // Sociologija i social'naja antropologija. – 1999. – Т. 2, vyp. 2.
10. Skvorcov N. G. Teoreticheskoe nasledie M. Vebera i problemy jetnichnosti v sovremennoj sociologii / N. G. Skvorcov. – Rezhim dostupa: <http://www.bestreferat.ru/referat-88377.html>, svobodnyj. – Zagl. s jekrana. – Jaz. rus.
11. Sociologija molodezhi : ucheb. pos. / pod obshh. red. D. Z. Mutagirova. – SPb., 2008. – С. 355.
12. Tishkov V. A. Strategii protivodejstvija jekstremizmu / V. A. Tishkov. – ValeryTishkov.ru.
13. Tishkov V. A. Jetnologija i politika. Nauchnaja publikacija / V. A. Tishkov. – М. : Nauka, 2001. – С. 229–230.
14. Jetnichnost'. Jetnos. Nacija. Nacionalizm. – Rezhim dostupa: <http://credonew.ru/content/view/305/27>, svobodnyj. – Zagl. s jekrana. – Jaz. rus.
15. <http://www.gazeta.spb.ru/404532-1/>, svobodnyj. – Zagl. s jekrana. – Jaz. rus.

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В МИРЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ**

Новоселов Сергей Вениаминович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414000, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: seveno@rambler.ru

Военно-политическая обстановка в мире характеризуется непрерывным процессом изменений на глобальном и региональном уровнях. У Запада и США сегодня недостаточно ресурсов, чтобы оставаться мировыми лидерами, а центр мирового экономического развития перемещается с Запада на Восток – в Азию. Ожидается, что в XXI – начале XXII в. главная битва за мировое лидерство развернется между США и Китаем, которая определит социально-экономическую модель постиндустриального мира и доминирующий тип политической системы.

Ключевые слова: военно-политическая обстановка, глобализация, мировая финансовая система, геополитические центры силы, мировое лидерство, война, доктрина американской дипломатии, «американское лидерство через гражданскую власть», глобальное управление, «теория хаоса»